

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ: ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЕКТ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ЗАКАЗ

Маргарита Силантьева *

В статье рассматривается вопрос о степени актуальности метатеоретических подходов, связанных с философским видением актуальных проблем современности. Одним из «треков» глобализационных изменений общества, наиболее интимно касающихся самой сущности человека, является «мутация» ценностной базы общественной жизни. Здесь глобальные ценностные сдвиги дают импульс изменения социальным нормам (этическим, правовым и т.п.). Последние, в свою очередь, конкретизируют в социальном пространстве процессы радикальной трансформации аксиологического фундамента культуры, нередко ведущие к необратимым результатам. Анализируется связь указанных явлений с насущными задачами качественного образования, позволяющего сформировать перспективную социальную элиту, хорошо подготовленную к решению нетривиальных задач социального управления.

Философия права – предмет, востребованный в образовательном пространстве МГИМО(У), прежде всего, в курсе истории и философии науки; а также – в качестве подсобного инструмента – в общем курсе философии на факультете Международного права, в Международном институте энергетической политики и дипломатии, в Международном институте управления (МИУ) – для групп будущих юристов и специалистов в сфере социального управления. Также уделяется внимание этой достаточно редкой и в то же время чрезвычайно востребованной дисциплине в курсах логики и риторики, читаемых преподавателями кафедры философии на тех же факультетах.

Необходимость содержательного освоения философии права связана с решением двух взаимосвязанных задач. Первая задача – ознакомление будущих юристов и управленцев (как ученых, так и практиков) с методологическими проблемами, составляющими метатеоретическое «кольцо» вокруг их собственной научно-практической деятельности. Ведь, согласно теореме Геделя о неполноте, методологический инструментарий не может быть адекватно рассмотрен «изнутри» той области знания, к которой он применим. Таким образом, философия права представляет собой метатеорию «среднего уровня», знакомство с которой уместно для системного освоения теории социального взаимодействия и управления. С другой

---

* Силантьева Маргарита Вениаминовна, доктор философских наук, профессор кафедры философии МГИМО(У) МИД России

стороны, определенную ценность имеет также анализ и оценка самого методологического инструментария, при помощи которого эти теории оперируют с фактами реальной действительности, претендуя не только на ее познание, но и на целенаправленное изменение в сторону оптимизации происходящих процессов. При этом важным научным потенциалом обладает стремление соотносить место конкретной науки в системе научного знания с другими научными подходами, а также с мировоззренческими основаниями науки как сферы производства знаний. Все эти действия требуют наличия у обучаемых ряда метатеоретических сведений, а также готовности к самостоятельному анализу процессов, происходящих как в обществе, так и в науке о нем¹.

Суммируя сказанное, можно констатировать: заниматься теорией и/или практикой социального управления (в широком смысле, включая сферу юридической деятельности и т.п.) невозможно без того, чтобы уже в студенческие годы у специалиста не был сформирован достаточный для практика теоретический (а не только эмпирический) уровень мышления в указанных областях.

Есть и вторая задача. Она состоит в наполнении конкретным содержанием тех общих теоретических положений, которые при изучении цикла философских дисциплин должны быть ориентированы на конкретную профессиональную деятельность будущего специалиста². Соответственно, абстрактные рассуждения о фигурах мысли (логика) или фигурах речи (риторика) должны быть «заземлены» примерами из тех областей, которые близки и понятны студенту.

Сегодня культуры, составляющие мировое общественное целое, подвергаются многоуровневому изменению, часто имеющим глобальный характер; нередко - изменениям радикальным. Речь идет о диффузии системы ценностей и соответствующих ей ценностных ориентаций, определяющих мотивацию конкретных поступков на индивидуальном и групповом уровне³. Меняется, таким образом, весь образ жизни. С одной стороны, он стандартизируется во многих своих бытовых проявлениях. С другой - углубляется момент

дифференциации, часто отсылающий в область этнографических интерпретаций национально-культурного своеобразия.

Если рассуждать с точки зрения формальной логики, ценности как квинтэссенция смысла, накопленного историческим опытом человечества и составляющего целевую причину разумной деятельности, имеют преломление в реальной общественной жизни. В том числе, и как нормы, регулирующие общественные отношения. Подобные нормы неоднородны и распределяются по нескольким уровням и сегментам общественной системы.

Самый «слабый» с точки зрения обязательности для исполнения вид норм (но, возможно, самый «сильный» в силу массовости) – это *стереотипы общественного мнения*. Здесь нормативность не подкреплена иными санкциями, кроме возможного одобрения - осуждения (соседями, друзьями, коллегами, СМИ, бабушками на скамейке и т.д.). Отсюда - их сравнительная необязательность и вместе с тем однозначность. Данные стереотипы «работают» на уровне спонтанного эмоционально-волевого восприятия и последующей оценки, не требуют рационального основания (разве что разъяснения). То, что нравилось вчера, не обязательно нравится сегодня; то, что сегодня осуждают, еще вчера могло быть в области положительных или нейтральных оценочных суждений. По сути, эти стереотипы представляют собой элементы общественной психологии, объективирующие коллективное бессознательное одновременно в двух «ипостасях»: охранительной и инновативной.

Нормы общественного мнения условно можно разбить на две подгруппы. Охранительные нормы ориентированы на традиционалистские ценности (нередко их поддержание обеспечивается старшими возрастными группами). Инновативные (поддерживаемые обычно подростково-молодежной средой и маргиналами) ориентированы на слом традиционализма. Инновативные нормы общественного мнения – источник расширительного толкования норм всех последующих уровней и видов, поскольку именно они «оправдывают» отклонение от принятых стереотипов поведения и оценки, приравнивая «ис-

ключение из правила» - новому правилу, находящемуся в некотором балансе либо в конфронтации с «устаревшим». Пример относительно сбалансированного изменения норм общественного мнения, создавших среду «плюралистического» толкования ценностной базы культуры – возведение в ранг приемлемых поступков, связанных с постепенной «моральной легализацией» поведения сексуальных меньшинств. Скажем, стремительное распространение в массовом сознании стереотипа «нетрадиционной ориентации» привели к тому, что современный школьник в ЕГЭ по русскому языку описал отношения Евгения Базарова и Аркадия Кирсанова в романе И.С. Тургенева «Отцы и дети» как «любовь» соответствующего вида...⁴

От признания такого поведения девиантным и запрета (вплоть до тюремного заключения) общественное мнение США, Европы и России пришло к постепенному осознанию его как возможного *наряду с* отрицающими его «старыми» нормами. Правда, в США в настоящее время наблюдается тенденция к сужению плюрализма в толковании «старых» норм и постепенной замене их новыми. Для примера можно вспомнить нашуевшую попытку госдепа США отменить в паспорте графы «мать» и «отец», заменив их «нейтральными» «родитель №1» и «родитель №2» (по мнению инициаторов этого проекта, такая акция направлена на нейтрализацию возможной депривации детей, проживающих в однополых семьях, - браки такого типа, как известно, разрешены в некоторых штатах⁵). Приведенный пример говорит об относительной стабилизации ценностного поля культуры США и косвенным образом указывает на тенденцию ужесточения нормы в ходе ее «обкатки» в социальной практике. Таким образом, пресловутый плюрализм представляется лишь переходным этапом на пути утверждения новой нормы; а вовсе не «нормальным» разнообразием взаимно пересекающихся (и в этом смысле всегда потенциально противоположных) норм.

В свою очередь, стереотипы оценок общественного мнения, как известно, являются питательной средой для формирования более сложных социальных норм, - *норм морали*. В морали соотно-

шение обязательного и разрешенного толкуется в пользу разрешенного. Это – царство инициативы индивидов и групп. И в этом смысле, несомненно, царство свободы. Однако еще большую силу в морали имеет **запрет**. Пожалуй, отличие моральной регуляции от регуляции нормами общественного мнения состоит в более жесткой и обязательно рефлексивной нацеленности на недопущение запрещенных действий – при широкой трактовке того, что может быть разрешено.

Здесь уместно будет вспомнить сократовского «даймониона»: «гений», голос божественного происхождения, нашептывал философу воздерживаться от тех или иных поступков. (Правда, «отрицательный» характер этих «нашептываний» подтверждает только один из учеников Сократа, Платон; другой его ученик, Ксенофонт, приписывает «даймониону» и «разрешительную», и «запретительную» функции). «Гений» Сократа – это безусловное «нет», которое способно сделать человека свободным. Причем свободным не в смысле отрицания норм, имеющим, подобно денежным единицам, хождение в современном обществе; но, напротив, оставаясь корректным исполнителем принятых стереотипов поведения при наполнении их внешней социальной корректности глубоким личностным смыслом внутреннего духовного самопреодоления, своеобразного взросления. Такое взросление, если верить источникам, состояло в появлении умения отдавать, а не брать; слушать, а не говорить; позволять «брать верх» в душе «верху», а не «низу».

Это и было первое рождение этики как одного из «ликов» философии. Второе – в 1970-ые гг. в СССР - превратило этику в кентаврическую «философскую науку», ставившую задачу «просчитать» все возможные ценностные параметры социально-адаптивного поведения, составить его «кодекс». Однако сегодня (в отличие от того времени) этот «расчет» грозит стать «просчетом» - «среда обитания» современного человека настолько изменилась, что формализованные методики просто не успевают за качественными сдвигами в области социокультурных трансформаций. Прямая зависимость моральных норм от изменения форм социальности

нередко сводит нормативность к абсурду: если социальная аномия подводит общество к «войне всех против всех», должно ли считать такую «войну» новой социальной нормой?! В то же время, качественные методы этики как дисциплины становятся нынче все более востребованными, причем именно в практических вопросах – экономике, политике, юриспруденции и т.д.

Однако вернемся к сущности этики как философской «отрасли». По «праву первородства» Сократ называет добродетель – знанием (имея в виду, конечно, философствование). Профессор Т.А. Кузьмина, конкретизируя мысль греческого философа, вводит новое понятие – «знание моралью»⁶. «Знание моралью» таково, что не позволяет, «зная» добродетель, поступать не в согласии с ней⁷. Недаром ученик Платона Аристотель в своей «Этике» выделил «привычку поступать добродетельно» в качестве специального дополнения к моральному знанию, обозначив так волевой импульс, «достраивающий» информативное «знание» до «умения» его применять⁸.

Мораль, с точки зрения сказанного, выходит далеко за границы простой нормативности, претендуя, если угодно, на самостоятельный разговор человека с Богом (или истиной как обязательной и уважаемой человеком целью его собственно человеческого присутствия в мире), на реализацию дерзкого стремления быть абсолютно свободным. Еще раз: такая свобода не равна вседозволенности. Она парадоксальным образом соединяет безусловный «запрет» и творчество как инициативное «введение в бытие» «нового, ранее не бывшего»⁹.

Не отсюда ли, из нового понимания свободы как творчества, а морали – как совершенно «нестандартной» нормативности – и одновременного «забывания» роли безусловного запрета как «старта» философско-этического состояния как такового, в отличие от «естественного» человека, – берут свое начало многие проблемы современного глобального мира. Не будучи идеальным, мир человеческой культуры никогда, по-видимому, не был обеспечен совпадением нормы и образа жизни, а также норм морали, права и одобряемого общественным мнением социально адап-

тивного поведения. Сегодня под вопрос ставится сама соизмеримость этих сфер социальной регуляции и саморегуляции.

В наши дни, когда практика реальной жизни стремительно меняет общественные устои, ранее трансформировавшиеся в течение столетий, изменились приоритеты в соотношении социальных норм между собой. Если классическая этика полагает, что понятие «норма морали» шире по объему, чем норма права (мораль регулирует значительно большее число возможных ситуаций, чем право) и уже его по содержанию (мораль «менее жестко» регламентирует социальное поведение человека), – то в современном обществе, похоже, положение дел оказалось зеркально перевернутым. Нормы права теперь вынуждены регулировать отношения, которые на уровне общественной морали еще не приобрели фундамента однозначной оценки (прежде всего потому, что, главным образом в результате вала научных достижений, захлестнувших «цивилизованный мир», – быстрыми темпами расширяются рамки дозволенного, все меньше места оставляя *безусловно* запретному, т.е. собственно этическому). Так, в правовой системе США, Бельгии, а теперь уже и Франции сравнительно недавно появилось понятие «лечебный ребенок» – ребенок, который появляется на свет, чтобы стать донором своих ближайших родственников¹⁰. Правовая оценка этого феномена – давно состоявшийся факт. Моральная оценка – далеко неоднозначная проблема. В Австралии ряд национальных общин выступил с предложением Генеральному прокурору страны переструктурировать правовую систему с учетом роли религиозного права¹¹. В научных кругах современной России всерьез обсуждаются идеи современных российских монархистов, заявивших в своей программе о перспективах реформы судебной системы в соответствии с нормами обычного права для народов Севера и норм шариата для исламских регионов России. Правда, такое изменение будет касаться лишь «внутриобщинных» споров; споры, выходящие за пределы общины, российские монархисты из вновь организуемой партии «Самодержавная Россия» предполагают разрешать – «пока» – «в общем порядке»,

т.е. в соответствии с общегражданским законодательством¹².

Этика в подобной «антропологической» интерпретации (как и религиозная практика санкционирования соответствующих этических норм в мировых религиях) идет «в хвосте» процесса радикальных общественных трансформаций, лишь «подгоняя» общественное мнение под «лекала» общественной практики. Более жесткий «регулятор» практики «переходного времени» - право. Однако такое право выглядит довольно своеобразно, т.к. само находится в процессе активного изменения переходного типа. Новые явления требуют инновационной регуляции; изменившиеся «старые» - регуляции модернизированной. При этом по существу происходит слияние общественного мнения («реальные запросы общественной жизни» в обоих, охранительном и расширительном, смыслах) - с нормами права. И лишь затем - с нормами «антропологической морали», «подгоняемой» к этим «реалиям» при помощи «правового «кнута».

С названным процессом связан любопытный парадокс «профессиональной этики»: ситуация, когда особое отношение человека к духовному содержанию собственного жизненного пути (по определению «любительское», а не профессиональное) проецируется на область «кодекса» профессиональной деятельности. Проецируется, не сводясь при этом к этикетным правилам, но оставаясь своеобразным «ремнем безопасности», не позволяющим индивидууму в ходе выполнения своих профессиональных обязанностей слишком уж «отвязаться» от ядра собственной духовно-нравственной жизни. Однако этика «в старом смысле слова» - это философия вообще. Она не имеет профессиональных «измерений» (этика сапожника та же, что этика преподавателя гуманитарных дисциплин, - на этом стояла европейская культура со времен дискуссий Сократа и софистов). Таким образом, профессионализм как бы вступает в конфронтацию с сущностью человека. Анатоксин к этой непростой «социальной инфекции» загодя подобрал априорист И. Кант, рекомендовав относиться к человечеству в своем лице и в лице другого человека всегда *не только* как к средству, но и как к цели. Абсо-

лютный характер морального предписания был спасен - за счет осмысления профессиональной деятельности как «средства» - но не цели человека.

И вместе с тем, именно новоевропейская трактовка аристотелевского понимания этики как «практической философии», - но только адаптированной к «делу жизни» (профессия как реализация таланта), - начинает то «размывание» нравственности (в данном случае этика, мораль и нравственность выступают полными синонимами, как это и было исторически), которое привело к ее «запаздыванию» по отношению к праву в ситуации необходимого «немедленного реагирования» на запросы современности...

Отсюда - интерес современной науки, культуры и, понятно, образования, к тем перспективным направлениям этического знания, которые раскрывают актуальные стороны перечисленных проблем (в том числе касающихся философии права). Так, *биоэтика*, имея дело с проблемами клонирования, трансплантологии, эвтаназии, транссексуализма и т.д., прямо выходит на правовые вопросы, почти минуя моральные. Это и понятно. Право, как уже отмечалось, *вынужденно* регулирует происходящие изменения; этика, как более консервативный элемент общественного сознания, «не успевает» на них среагировать. Ведь большинство стран «цивилизованного мира» оказались в ситуации «растянутого перехода», характеризуемого фактическим разложением морали как авторитетной формы социального регулирования. Право получает в связи с этим дополнительные функции «этикоподобно» санкционировать новые общественные практики.

Помимо проблематики этико-медицинского плана, новые prerogatives право получает в сфере семейных отношений, - например, касающихся регулирования имущественного статуса женщин и детей; новый правовой (а вслед затем, возможно, и моральный) статус получают «дети из пробирки» и т.д. Следует иметь в виду, что радикальным трансформациям, на грани слома, подвергаются ценности не только «новых поколений», но как раз того «массовидного общественного целого», которое позиционирует себя в качестве относительно консервативного носите-

ля общественно значимых ценностей. Так, в мире уже не первое десятилетие существуют движения «за свободу не иметь детей». Причем в число их сторонников входят не только одинокие женщины-феминистки, но и семейные пары¹³. Изменяется и сознание ценностного фундамента лиц, имеющих детей. Они, как отмечают психологи, все меньше готовы делиться с последними своими доходами, жилплощадью и т.д. Для «детей из пробирки» данная проблема усугубляется их «нестандартным происхождением». Игровой характер современной культуры, оставляя свой отпечаток на семейных ценностях, переводит решение материальных вопросов (здравоохранение, образование и т.д.) между такими детьми и их родителями в плоскость взаимной необязательности и безответственности. Мораль «пасует»: как можно говорить о «человеческом отношении» к «человеку» из пробирки? На помощь ей приходит право: завел – плати; не переключивай финансовые обязательства на социальное государство. Еще более заметны для россиян сходные процессы, происходящие в области отношений с усыновленными детьми (особенно усыновленными зарубежными семейными парами).

Изменяется система семейных обязательств в отношениях между мужем и женой. В частности, выделяется практика современного законодательства Великобритании, разрешающего гражданину Соединенного королевства иметь более чем одну жену, если брак заключался вне территории Соединенного королевства (специалисты прямо называют это явление «легализация полигамии»). Мусульманин, заключивший брак по шариату, может легально везти в Великобританию только одну из своих жен. Но если «оставшиеся» въедут туда, например, по учебной, рабочей или туристической визе и выразят желание остаться, они могут претендовать в качестве «дополнительных супругов» на социальный пакет (включая, прежде всего, пособие на ребенка и улучшение жилищных условий всей семьи за счет муниципального фонда)¹⁴.

При сложившейся в Европе демографической ситуации подобные казусы – лишь первые ласточки, свидетельствующие о том, что мусульманская модель регулирования полигамных семейно-

брачных отношений может оказаться в этих условиях предпочтительной; либо займет свое место в мозаичной системе правосознания европейцев (ура плюрализму!), наряду с узаконенными гомосексуальными браками, – со всеми вытекающими из этого последствиями.

Экспансия мусульманского права на европейском континенте еще только начинает осознаваться исследователями в области социальной жизни. Специалисты констатируют усугубление влияния мусульманского (особенно шариатского) права на область семейных отношений в европейских станах. В то же время развитие «исконно» европейского права (в том числе, и в «экспортном» его варианте) приводит к довольно интересным коллизиям в данной области. Так, несколько лет назад правовая система Австралии признала правомочным подачу исков о содержании тех самых «энных половин» дочерних семей, которые, не являясь официально супругами, не обладали и правами на материальное обеспечение таковых. Прецедент – иск многолетней пассии директора компании, поддерживавшего близкие отношения со своей секретаршей в течение 25 лет и решившего по истечении данного срока «уволить ее без выходного пособия». Женщина обратилась в суд с иском о том, что «лучшие годы ее жизни были потрачены на этого мужчину», из-за чего она не смогла создать «законную» семью. По сути, перед нами иск о возмещении морального ущерба. И он был удовлетворен – состояние ответчика было разделено между его официальной семьей (включая его самого, «легальную» супругу и их детей) – и бывшей возлюбленной.

Отдельный вопрос – ювенальная юстиция. Не очень понятная в своей практической части среднему россиянину, эта правовая область призвана регулировать права ребенка. Впрочем, и его ответственность тоже – вспомним недавний случай в США, где 12-летнего ребенка, убившего 2-летнего сводного брата, суд приговорил к пожизненному заключению¹⁵. Современная судебная система транспортирует в СМИ и леденящие душу истории о различных случаях парасида, в том числе и на отечественной почве. Насилие в семье – не только над детьми, но и со стороны самих детей – страшная правда, является

ли она продолжением тщательно скрываемой прежде практики, или развитие подобных процессов – результат траектории «социокультурной параболы» наших дней – вопрос сложный. С другой стороны, «ювенальное» стремление со стороны государства регулировать отношения между родителями и детьми иногда доходит до абсурда, – например, в случае попыток установления «санитарных норм» для проживания ребенка на родительской жилплощади, которые в несколько раз превосходят существующие нормы проживания для одного человека; или при попытках со стороны государства поддерживать «свободу» ребенка жить половой жизнью до достижения возраста вступления в брак. Причем позиция западного правосознания здесь вполне понятна: социальное государство, фактически, оплачивает родителям услуги по уходу за детьми и оплачивает неплохо. Оно поэтому вправе требовать отчет о расходовании средств, влиять на их использование и т.д.

В современной России (к счастью?) ни о чем подобном и речи быть не может. Однако это не мешает представителям ювенальной юстиции в рамках «пилотного проекта» опрашивать детей 2-5 классов московских школ об условиях их проживания в семье, – включая вопросы о наличии отдельной комнаты на каждого члена семьи, характера питания («сколько видов овощей и фруктов ты получаешь каждый день?»), а также о точном адресе работы родителей. Последнее, как известно, по существующим правилам является конфиденциальной информацией.

Сходные коллизии подстерегают не только биоэтику (и такую ее профессиональную «разновидность», как медицинская этика); не только область семейно-брачных отношений, ключевую для воспроизводства общества как такового, – но также ту сферу этического и правового сознания, которая определенным образом контактирует со сферой *искусства*.

Новое искусство, давно отвергнув принцип калокагатии (единства добра и красоты), постепенно, в течение нескольких веков дрейфуя к обоснованию таких «новых» эстетических категорий, как «безобразное» и «отвратительное», предельно расширило саму

область эстетического. Фактически – до сферы воспринимаемого. «Эстетизм», понятый таким образом (трупы людей и животных с содранной кожей, моделирующие «новый подход к обработке поверхности»¹⁶. в соединении с «выработкой базовых принципов экологического сознания»), предельно расширяет область применимости права. Если не запрещено, значит, разрешено (хотя последнее, пока, к счастью, не обязательно). Правда, имея некоторое представление об истории становления новых социально-значимых норм, можно подозревать, что через некоторое время вопрос об «обязательности» незапрещенного может стать весьма актуальным.

Показательна история «немецкого анатома» Гюнтера фон Хагенса, с успехом экспортировавшего трупы наших сограждан из Новосибирска. В числе его поклонников из Санкт-Петербурга¹⁷, пытавшихся летом 2007 года организовать в северной столице персональную выставку мастера, – прихожане РПЦ! Дело здесь, как объясняют специалисты в области международного права, состоит в том, что Хагенс делает то, что не запрещено. Поскольку «бумаги» у него в порядке – его «материал» и «скульптуры» спокойно пересекают границы в обе стороны. Юристы разводят руками – не наше дело следить за общественными нравами. Идти или не идти на выставку, каждый решает сам. Что же касается детей, то «смотреть» за ними – дело родителей. Не хотите, чтобы они «это» видели – останавливайте, убеждайте... По принципу взятого неприятелем вражеского города: создадим сначала суперагрессивную среду, а потом посмотрим, кто в ней выживет. Для тех, кто не справляется сам, можно, конечно, ввести ювенальную юстицию. Беда (или на сей раз счастье?) лишь в том, что Россия – не Европа.

Общие стимулы «развития» права (а вначале – соответствующих социальных отношений), лежат в области институализации науки и массовизации человека, превращающегося в «потребителя». При этом, с одной стороны, стандартизируется «человечность» как таковая. С другой – растет индивидуализм, вплоть до эгоцентрического замыкания человека исключительно на самом себе в формате «все более возрастающих по-

требностей», требующих своего «все более полного удовлетворения». Процесс этот, как подсказывает опыт, вполне интернациональный, и недавнее советское прошлое здесь вполне изоморфно тому, что происходит «на пресловутом Западе». Поэтому «парадокс индивидуализма» следует относить не только на счет «нездоровых сил». Его появление вполне симптоматично. Оно к тому же синхронно процессам в сфере образования, элитного и «обычного», которые имеют место в последнее десятилетие.

Позитивные стороны этих процессов, изучение которых востребовано в контексте данных задач, вполне очевидны. При общем снижении уровня подготовленности абитуриентов, их персональное состояние имеет ярко выраженное усиление амплитуды, характеризующей разброс степени обучаемости конкретных людей. Индивидуальные качества личности (в состав которых входит в данном случае и способность к быстрой ориентации в незнакомой среде, свободное владение все более усложняющимися техническими средствами, также поднимающее адаптивность, и многие другие качества «нового человека»), - противостоят противоположному полюсу. Здесь конденсируется социальная апатия, связанная с низкой адаптивностью при высоком уровне индивидуализма («ничего», «все равно», «фиолетово»). Студенчество дифференцируется таким образом, что просьба родителей к школьному учителю, недавнему выпускнику университета, спросить ребенка на следующем уроке, встречает вполне логичный ответ: «Вы что, хотите, чтобы я с Вашим ребенком индивидуально занимался?!».

При несомненном изменении антропологических параметров современного человека, которому наука, биотехника и гуманитарные технологии рисуют перспективу бессмертия (за счет ближнего?), а право создает условия выживания в «соляной кислоте» современной потребительской культуры, - перед философией встает вопрос об ответственности за своевременную диагностику социокультурных симптомов. Как «теория среднего уровня», она, конечно, не может стать панацеей от социальных патологий и гуманитарных катастроф. Однако как любовь к мудрости она вполне может претендовать на

то, что ей есть дело до происходящего здесь и сейчас. В данной связи «реанимация» этики видится делом не только уместным, но совершенно необходимым. Не обязательно при этом превращать ее в отдельную учебную дисциплину, раздувая и без того растянутую курсами ОБЖ и физкультуры сетку часов (предметов, как все мы понимаем, совершенно необходимых). Используя «конек индивидуализма», можно предложить перевод образования «на рельсы» оптимизации использования аудиторного времени, в котором собственно транслятор знания - преподаватель - не превращается в придаток интерактивной доски с информацией, взятой из Интернета. Подобный «перевод» возможен только при обращении от личности преподавателя - к личности учащегося, обогащенном обратной связью. Соответственно, формализация учебного процесса должна быть приостановлена на достигнутом (вполне высоком) уровне. Содержательная же его сторона, - как это делается в тех вузах, где высокая планка качественного образования удерживается несмотря ни на какие трудности, - должна заполняться, по выражению Ректора МГИМО(У), академика РАН А.В. Торкунова, «модернизированными циклами», синергетически объединяющими междисциплинарный подход с прикладными задачами обучения соответствующей профессии, осваиваемой на высоком квалификационном уровне¹⁸.

Задача привлечения денег при этом обязательно должна решаться в связи, а не в конфронтации с повышением качества «образовательных услуг». Элитным будет в данном случае то образование, которое способно осуществить личностный подход к решению непростой задачи обучения, - одного из наиболее фундаментальных и потому особенно уязвимых механизмов трансляции культуры, способного вобрать в себя рациональные стороны старого и нового, сплотив их в новом синтезе нового человека. Способность наполнить «старые мехи» новым содержанием здесь может оказаться наиболее экономичным решением вопроса финансирования: думающий преподаватель, способный транслировать сложившиеся в нашем университете методы обучения, сопоставим по цене с качествен-

ной инновационной образовательной программой и ее комплексным методическим обеспечением (составляющих, понятно, необходимый этап министерского документооборота). Авторская программа – всегда новая, поскольку те акценты, которые делает лектор при изложении самого «ветхого» исторического материала, диктует сама жизнь, актуализируя, казалось бы, давно канувшие в прошлое идеи, заставляя учиться новым подходам на осмыслении «старых» ошибок. Самостоятельно прийти к такому пониманию студент может, если он – почти гений.

Социальное управление, включая правовые, философские и иные вопросы его развития – сфера, где осмысление подобных вопросов давно назрело, а сотрудничество представителей разных кафедр и факультетов нашего вуза (в том числе направленное на совершенствование учебного процесса, в том числе и межвузовское) – насущнейшая задача¹⁹.

Стоит напомнить, что в МГИМО по данному направлению ведется определенная работа. Так, уже более 15 лет работает комплексная программа «Духовно-нравственные основы мирового сообщества», реализуемая силами руководства и ученых кафедры философии МГИМО(У), Дипломатической академии МИД России и Государственной академии славянской культуры. Ряд научных и общественных площадок объединяют российских и зарубежных исследователей в области философии права и философии образования. Продолжение подобного сотрудничества позволяет надеяться на то, что задача

формирования элиты российского общества в нынешних условиях – дело не совсем безнадежное, хотя и хлопотное.

Одно из серьезнейших преимуществ МГИМО на рынке образовательных услуг – подлинно «государственнический» подход, позволяющий сочетать интересы государственного и частного секторов общественного производства на основе ценностей патриотизма и гражданского единства. Развитие прагматически востребованных исследований в сфере культуры, в том числе области межкультурных коммуникаций, – одно из наиболее перспективных направлений межфакультетского и межфакультетского сотрудничества членов педагогического коллектива. Философия права здесь – одно из актуальнейших тематических направлений такого сотрудничества, способного быть привлекательным также для историков, лингвистов, регионоведов и прикладников иных профилей.

Вложение в человека, в «человеческий капитал» всегда было одним из приоритетов отечественного образования. МГИМО здесь по-прежнему на высоте, хотя социокультурные «сдвиги» последнего времени заставляют всерьез задуматься о степени устойчивости образования вообще и вузовского – в частности. В любом случае, способность оперативно реагировать на «общественные запросы» – неизбежный спутник качественного образовательного проекта. И – главный источник «притяжения денег», без которого сегодня невозможно реализовать ни один мало-мальски серьезный проект.

PHILOSOPHY OF LAW IN A GLOBALIZING WORLD: AN EDUCATION PROJECT AND A SOCIETAL ORDER

The paper discusses the relevance of meta-theoretical approaches associated with the philosophical vision of the pressing problems of the present day. One of the «tracks» of change in the globalization of society, most intimately related to the very essence of man, is a «mutation» of the value base of social life. Here the global value shifts give impetus to change in social norms (ethical, legal, etc.). The latter, in turn, specifies in the social space a process of radical transformation of the axiological foundation of

culture, often leading to irreversible results. The connection between these phenomena and the urgent tasks of quality education forming a forward-looking social elite well-prepared to solve nontrivial problems of social management is analysed.

M. Silantieva,
Doctor of Sciences (Philosophy), Professor,
Department of Philosophy, MGIMO
(University) under the Ministry for Foreign
Affairs of RussiaРоссии

Ключевые слова:

философия права, этика, философия культуры, «антропологический сдвиг», социальный трансцензус, аксиологический фундамент культуры, стереотипы общественного мнения, норма, социальная норма, качество образования, элитное образование.

Keywords:

philosophy of law, ethics, philosophy of culture, «an anthropological shift», social transcendence, the axiological foundation of culture, stereotypes of public opinion, norm, social norm, quality of education, elite education.

Литература:

- ¹ Торкунов А. В. 60 лет. По дороге в будущее... / МГИМО - Университет: традиции и современность (1944-2009) М., 2009. С. 4.
- ² Шестопап А. В. МГИМО: лица и поколения // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 6.
- ³ Микешина Л. А. Современное развитие понятия «ценность» // Ценности и смыслы. 2009. № 1. С. 6-17.
- ⁴ Наталья Савицкая. Вести с экзаменационных полей // НГ. 7 июня 2011.
- ⁵ См.: В США скоро исчезнут слова «мама» и «папа» // <http://news.mail.ru>
- ⁶ Кузьмина Т. А. Безусловность истины и жизненная прагматика // *Метаморфозы свободы: спадщина Бердяева в сучасному дискурсі*. Київ, 2003. С. 243.
- ⁷ Доброхотов А. Л. Категория бытия в классической западноевропейской философии. М., 1986. С. 31.
- ⁸ Аристотель. Никомахова этика. VII, 1.
- ⁹ Силантьева М. В. Экзистенциальная диалектика Николая Бердяева. М., 2004. С. 38-56.
- ¹⁰ Так, в журналистском материале об этом событии подчеркивается, что родители мальчика – выходцы из Турции. Сообщается буквально следующее: «в мире «лечебные дети» уже рождались, однако во Франции подобное произошло впервые. В США подобная практика началась около десяти лет назад, недавно несколько детей родились в Европе – в Бельгии (два первых случая рождения произошли в университетском госпитале близ Брюсселя в 2005 году) и Испании (в 2008 году). Французский закон по биоэтике от 2004 года и декреты о порядке его применения, появившиеся в 2006 году, санкционируют подобную практику после согласия Агентства по биомедицине. Так и произошло это «первое рождение с учетом полной HLA-совместимости» (Human Leucocyte Antigens, сокращенно HLA, – антигены тканевой совместимости, которые участвуют в распознавании чужеродной ткани и формировании иммунного ответа человека – прим. ред.). Врачи стали развивать один из двух эмбрионов, который не болел данной болезнью и чья группа HLA совместима со старшими детьми. Более десяти лет назад в США шестилетняя Молли Нэш (Molly Nash), страдавшая от редкой генетической болезни – анемии Фанкони – поражающей иммунную систему, была спасена благодаря клеткам, полученным из пуповины ее брата Адама. Он был отобран специально ради пересадки еще на эмбриональной стадии. В Испании первый «лечебный ребенок» — мальчик по имени Хавьер — родился в октябре 2008 года. Благодаря ему выздоровел его брат Андрес, также страдавший тяжелой формой бета-талассемии». - См.: Во Франции впервые родился «лечебный ребенок» // <http://news.mail.ru>
- ¹¹ Прокурор Австралии отказался вводить в стране законы шариата // <http://infox.ru>
- ¹² Карпец В. И. Монархизм в России – идеология и перспектива. Доклад на заседании Московского фонда Карнеги, от 14 июня 2011 / Архив автора. Интересно, что В. И. Карпец, член Президиума Монархической партии «Самодержавная Россия», - кандидат юридических наук, доцент кафедры теории права и сравнительного правоведения Факультета права НИУ-ВШЭ.
- ¹³ Э. Тоффлер Третья волна. М., 2002. С. 63-67, 342-358. – Ср.: Он же. Шок будущего. М., 2002. С. 115-117, 181-182, 263-284.
- ¹⁴ Пинюгина Е. В. Интеграция мусульман в современное европейское государство (на примере Великобритании и ФРГ). Дисс. на соискание ... к. политологических наук, С. 148-149, 146-155; Она же. Мусульманское меньшинство как вызов современному европейскому государству (обзор актуальных исследований) // *Политическая наука*, 2010. № 1, С. 192 – 201.
- ¹⁵ См.: <http://www.rosbalt.ru/main/2011/06/07/856439.html>
- ¹⁶ Речь идет о Гюнтере фон Хагенсе, художнике из Германии. См.: Наталья Пашкова. Темная сторона Америки // <http://www.usinfo.ru>. См. также: Александр Андриухин, Наталья Пашкова. Человеческий материал // <http://www.centrasia.ru>.
- ¹⁷ См.: Выставка Гюнтера фон Хагенса // <http://my.opera.com>.
- ¹⁸ Торкунов А. В. МГИМО в конкурентной среде образовательного сообщества // Торкунов А. В. По дороге в будущее. М., 2010. С. 406.
- ¹⁹ Там же.